

Пленные республиканцы в Вандейской войне 1793-1795 года (по личным воспоминаниям)

Научный руководитель – Бовыкин Дмитрий Юрьевич

Васильева Анна Анатольевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра новой и новейшей истории, Москва, Россия

E-mail: annavas96@gmail.com

Несмотря на наличие обширной историографии Вандейских войн, прежде в ней практически не затрагивался вопрос положения и судьбы республиканцев, взятых в плен вандейскими повстанцами, в то время как источники позволяют это проанализировать. Существует ряд мемуаров бывших пленных, как военных [3,4], так и гражданских [2,5], некоторое количество официальных документов с обеих сторон [1] - всё это позволяет осветить проблему пленных республиканцев во всех аспектах.

Пленные республиканцы могли быть местными жителями, сочувствовавшими революции, могли - военнопленными из рядов республиканских армий. Впрочем, положение их не слишком отличалось - в связи с недостатком ресурсов у армии восставших пленные часто голодали, были вынуждены довольствоваться куском хлеба и соломой в качестве постели. Это не было вызвано жестокостью - часто этой малостью обходились и сами вандейцы [2].

Пленные, разумеется, могли попытаться повысить свой уровень жизни в заточении. В первую очередь им могли помочь деньги [4], но гораздо больше - связи в рядах восставших [3]. При удаче вандеец, покровительствующий республиканцу, мог поручиться за последнего, что даровало тому статус "пленного под честное слово", позволяющий свободно перемещаться в черте города, а в сопровождении - и вне её, жить вне стен тюрьмы, словом - пользоваться относительной свободой. Однако в случае подозрений этого статуса достаточно просто могли лишиться - например, временные комитеты, исполнительная власть на местах [4]. Зачастую они могли влиять на жизнь пленного, но обычно в решении о судьбе пленного последнее слово оставалось не за ними [5], даже не за предводителями восстания - хотя если те обращали на пленного внимание, ему могло и не поздоровиться [3], а за комендантом конкретного города [2,4], где пленный содержался. По сути, жизнь пленного ставилась в зависимость от личных качеств одного человека и его склонности к гуманному отношению к зависимым от него людям [2,4]. В целом общее направление вандейской политики по отношению к пленным республиканцам было гораздо мягче, чем у республиканцев - по отношению к пленным вандейцам. Не достигнув успеха в переговорах о взаимном обмене пленными, восставшие начали отпускать их в одностороннем порядке - впрочем, далеко не все пленные получили свободу именно этим путём [2,3,4,5].

Всё это свидетельствует об отсутствии у вандейцев ярко выраженной враждебности по отношению к пленным. Разумеется, всё зависело от конкретного случая, но в рядах восставших было довольно много тех, кто поддерживал революцию на первых порах или просто не питал ненависти к противнику. Более жестокими, чем обычно, к пленным были две категории восставших - священники, отказавшиеся от гражданской присяги [5], и дезертиры республиканской армии, перешедшие к вандейцам на службу [4] - все остальные вели себя в зависимости от личных качеств, и даже среди священников встречались исключения [2].

Вандейцы, в силу нехватки компетентных людей буквально во всех сферах, нередко предлагали пленным перейти к ним на службу - и некоторые соглашались, но большинство

отказывалось, оставаясь верным своим принципам [2, 3]. От них же зависело и отношение самого пленного к вандейцам - даже в словах самых умеренных во взглядах пленных можно проследить некоторую снисходительность к вандейцам [3], а в строках, записанных более яркими республиканцами, порой сквозит откровенная ненависть [2,4]. Впрочем, самим пленным тоже порой доводилось, если им посчастливилось вернуться из плена тем или иным путём, стать объектом гнева своих же собратьев по убеждениям [3], в особенности если они хотели соблюсти данное вандейцам слово не поднимать против них оружия, которое было необходимым условием освобождения [1]. Пленных далеко не всегда встречали братские объятия - напротив, заподозренные в сотрудничестве с роялистами, они могли оказаться в тюрьме [2] или вовсе окончить свою жизнь на эшафоте.

Источники и литература

- 1) Chassin Ch. L. La Vendée patriote, 1793-1800. Mayenne, 1973. Vol. 1. P. 288-289., Vol. 1. P. 279., Vol. 1. P. 435., Vol. 1. P. 606., Vol. 2. P. 58., Vol. 2. P. 289-291.
- 2) Clemanceau J. Le prisonnier de la Vendée, anecdote historique (13 mars-10 octobre 1793) // L'Anjou historique. Novembre-Décembre 1907. Huitième année. № 3. P. 256-333, Janvier-Février 1908. Huitième année. № 4. P. 337-357.
- 3) Levé Ch. L'Odyssée d'un Orléanais pendant la Révolution: Souvenirs de Charles Levé. 4 Juin 1769 – 4 Brumaire an V (25 octobre 1796) // Mémoires de la Société archéologique de l'Orléanais. Orléans, 1913. Vol. 34. P. 344-480.
- 4) Mocquereau de la Barrie J. Mes trois mois de prison dans la Vendée. Mémoires d'un capitane des volontaires de Sillé le Guillaume, envoyé en Vendée en 1793. Nantes, 1882.
- 5) Savary J. Guerres des Vendéens et des Chouans contre la République Française ou Annales des départemens de l'Ouest pendant ces guerres. P., 1824-1827. Vol. 1-6.